Борец за рабоче-крестьянское дело

Я. М. Свердлов

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!"

№ 4. Речи и беседы пропагандиста. № 4.

БОРЕЦ ЗА РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕЛО Я. М. СВЕРДЛОВ.

(Речи, произнесенные на торжественном заседании Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова в годовщину смерти тов. Свердлова.)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва.—1920.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В день годовщины смерти т. Я. М. Свердлова коммунистический университет его имени на торжественном собрании чтил память этого замечательного борца и организатора нашей партии.

Речи, произнесенные на этом заседании, рисуют личность т. Свердлова такими чертами, которые не бесполезно знать каждому партийному работнику, и в особенности тем нашим молодым товарищам, которые не прошли долгой и суровой школы, какую прошел замечательный практик и собиратель наших нелегальных кружков, выдающийся организатор широких рабочих масс Я. М. Свердлов.

Если вообще полезно знать молодым поколениям жизнь и работу выдающихся борцов за дело коммунизма, то тем более полезно и необходимо знать жизнь, работу и, главное, приемы и подход к широкой трудящейся массе, какими обладали такие люди, как т. Свердлов.

1-я госуд. типогр. (бывш. Т-ва Сытина), Пятницкая, 71.
МОСКВА. — 1920.

Торжественное заседание, посвященное памяти Я. М. Свердлова 16 марта 1920 года.

Невский. Заседание коммунистического университета имени тов. Якова Михайловича Свердлова, посвященное памяти этого выдающегося борца социалистической мировой революции, объявляю открытым.

Т.т., ровно год прошел с тех пор, как пал на своем посту этот выдающийся организатор пролетарского революционного движения в России. Бывают 3 рода организаторов: так сказать, организаторы чувства, организаторы ума и организаторы чувства и ума, совмещающие эти два качества. Тов. Свердлов был именно таким организатором, который умел подходить к массам, руководствуясь не только строго математическими схемами, вырабатываемыми в головах руководителей рабо-

чего класса. Он умел подходить к каждому рабочему и к каждому крестьянину,—к каждому работнику нашей нелегальной организации, умел подходить так, что возбуждал в его душе самые сокровенные струны, умел возбуждать героизм и энтузиазм, умел сплачивать, благодаря этому, массы рабочих и крестьян вокруг себя. Именно поэтому, т.т., он явился у нас совершенным типом организатора широких рабочих масс. Оценку его, и как организатора, и как политического деятеля, и просто как товарища, который умел подходить к каждому самому выдающемуся и к самому маленькому работнику, сделают т.т., которые близко его знали.

Сейчас, т.т., приглашаю вас всех почтить его память вставанием и пропеть похоронный марш. (Собрание поет: «Вы жертвою пали»).

Слово принадлежит тов. Иванову, близко знавшему покойного Я. М. Свердлова в течение многих лет его партийной жизни.

Иванов. Товарища Я. М. Свердлова мне пришлось узнать, увидеть и жить с ним в Туруханской ссылке. Говоря о Я. М. Свердлове, можно характеризовать первое вступление к речи словами: «Стальным черным дьяволом» звала его и буржуазия. В этих словах «стальной черный дьявол» сказалась ненависть, которую питала буржуазия к Я. М. Эта стальная, поистине, твердость, эта дьявольская твердость в борьбе характеризовала всю его жизнь, начиная с малых лет, с лет детства и вплоть до самой его безвременной кончины. Я в своей речи постараюсь остановиться на этих биографических чертах жизни Я. М., на его тюрьме, ссылке и той революционной деятельности, которую он вел. Я. М., еще будучи мальчиком 10 лет, в обыденной жизни среди сверстников двора, где он жил, выделялся такими особенностями своего характера, как настойчивость и твердость, и уже в маленьком Якове проскальзывала будущая фигура будущего деятеля. В эпоху 90 годов и в эпоху 900 г.г. в душе Я. М. уже имелась какая-то ненависть к существующему строю. В этот момент какой-нибудь большой политической борьбы среди рабочих масс не было. Лишь только нарастал шквал 90 г.г. и уже тогда в душе мальчика этот шквал накладывал известные следы.

Я. М. был сын ремесленника гравера. Уже эта трудовая обстановка семьи, правда мещанской, с малых лет столкнула Я. М., как сына гонимого еврейства, с различными особенностями жизни, которые на каждом шагу усиливали у него ненависть к существующему строю. Я. М., поступив в гимназию, не смог сжиться с мертвящей обстановкой. Яков не

мог сжиться с гимназией, в результате он был удален, как мальчик, с бунтарскими особенностями. Уже в это время мальчик 5 классник входит в революционную среду. В мастерской отца маленький Яков работает уже для партии, делает печати для нелегальных организаций, служит явкой для партийных организаций, сносится с товарищами, исполняет различные поручения, так или иначе обслуживает партию. В 902 году Яков уже активно начинает вступать в работу. Первая демонстрация, в которой выступает Яков, происходит в 902 году. Я. М. в числе 30 человек, среди которых были такие товарищи, как Рыков, Семашко, участвовал в демонстрации 5 мая. Эта демонстрация не удалась. В числе этих 30 человек Яков попадает в тюрьму на 6 месяцев. Во время сидения Якова избивают тюремные надзиратели. Здесь он получает первое крещение от самодержавного строя и с этих пор теснее сливается с средой революционеров. 1903—5 г.г. он проводит среди соц.-демократических организаций. Социал-демократическая организация г. Нижнего, где он работал в этот момент, являлась организацией насквозь проникнутой меньшевистским духом. Большевизм только нарастал, только приобретал некоторые формы. Но и в этот момент Я. М. своей непримиримой душой уже чувствует, что жить в одной организации с меньшевиками он не может, чувствует, что нужно создать что-то новое. В это время и среде рабочих был кружок, объединяемый рабочим Алексеевым. В среде меньшевистской организации Я. М. пытается построить большевистскую организацию. Это время описано Максимом Горьким в его книге «Мать». Это и есть те типы, которые работают в нелегальной организации рабочего Алексеева, и рабочий город, который описан в произведении «Мать», есть то Сормово, где Я. М. получил первое боевое крещение, чтобы вступить в наши ряды.

В начале 905 г. Я. М. скрывается из пределов Нижнего, преследуемый охранкой и ведет активную работу в Костроме, в Саратове, по всему Поволжью, создает кружки, издает газету. С этого момента начинается активная постройка нашей коммунистической партии, или в то время партии большевиков. Он первый паук, ткущий паутину, и благодаря его энергии растут эти бечисленные кружки и партийные организации городов Поволжья. Наконец преследования охранки заставляют его перенести свою деятельность в другое место. Перед декабрьским восстанием он является в Москве и на митинге в Аквариуме говорит о борьбе рабочего класса. После выступления в Москве, откуда он принужден скрыться, он

уехал на Урал. Здесь раскрывается самая большая деятельность Я. М. Красный Урал до сих пор помнит своего славного вождя. Большевизм Урала несомненно обязан своим ростом Я. М. Нигде, как на Урале в 1905, 6, 7. г. г. был силен дух меньшевизма и отчасти дух анархизма. Я. М., явившись на Урал, повел энергичную борьбу с этим течением в рабочем классе. Здесь, благодаря его энергии, растут те же самые рабочие организации. Дело доходило до того, что на митингах, созванных анархистами, когда доходило до выбора председателя толпа кричит: «давай Андрея». Такова партийная кличка Я. М. и, когда его лохматая голова с прыгающим на носу пенсне появляется среди толпы, рабочие довольны, что Яков среди них. Когда встал вопрос о посылке представителя, на Стокгольмский партийный съезд, он имел мандат поехать на этот съезд, но рабочие Мотовилихинского завода не пустили его, так как они слишком дорожили им. И Я. М. вообще не любил заграницу, он не любил эмиграцию, он любил лучше здесь работать, а не укрываться куда-нибудь. В этом сказался дух революционера, каких мало в нашей среде. И вот, благодаря усилиям Якова, большевизм рос на Урале, и кроме этого большевистского духа на Урале Я. М. насадил еще боевизм, так называемые боевые дружины, как будущий прообраз красной армии. Против него ополчились и некоторые элементы правого крыла нашей партии большевиков, но боевые дружины создались на Урале и созданием боевизма в нашей партии мы несомненно обязаны в первом своем основании Я. М.

В результате своей большой партийной работы в начале 906 г. были схвачены все пропагандисты в количестве 54 человек, но Я. М. каким-то чудо уцелел от этого ареста. Масса народу было избито, особенно избит был тов. Чугурин. В результате этих арестов жизнь партийная замерла, но неутомимый Яков, несмотря на то, что его ищут шпики, энергично работает на Урале, вновь пробуждает там партийный большевистский дух. В результате этой работы Яков был схвачен жандармами и заключен в Пермскую тюрьму, причислен к делу 54-х. Начинается тюремная жизнь Якова, когда мы вступили в эпоху реакционной России, в эпоху наибольшего издевательства над пролетариатом. Тюремная жизнь была такова, что масса интеллигенции, которая была среди рабочей массы, и даже, может быть, многие из рабочих, в этот момент пали духом. В стенах тюрьмы, среди заключенных растет этот упадок духа. В тюремной

атмосфере начинаются сплетни, дрязги, так как люди, живущие подолгу в одной камере или часто видящие друг друга, наконец надоедают друг другу. Все это в стенах тюрьмы плодит разобщенность, но среди этой обстановки выделяется фигура Якова, который всегда зажигал падающий дух людей, и люди думали уже по иному, думали так, как думал Яков. Но Яков не хотел жить в этой обстановке, он рвался на волю, к работе. Суд приговорил его к 3-летнему заключению. В это время было много желающих побега, но выбирать приходилось между смертниками и уступать приходилось тем, кто должен был итти на смертную казнь, а потому Яков просидел 3 года и после этого не эмигрировал за границу, а остался работать в низах. После тюремной отсидки он уезжает в Питер, где начинает работать в это время уже большевистская организация. После этого его арестовывают и высылают в Нарымский край. В Нарымском краю он также работает, читает ссыльным лекции по политической экономии, проповедует социалистические идеи, подготовляет среди рабочих сознательных деятелей движения, чтобы они могли вылиться в общую борьбу с запасом социалистических знаний. В то время, как ссылка часто разделяла людей, заставляла их опускаться и заниматься мелочными сплетнями, Яков был выше этих сплетен. Он не гнушался никакой работой, начиная с простого букваря, по которому он обучал неграмотных, и кончая социалистическими идеями. Он дважды бежит из Нарымской ссылки, дважды его ловят, наконец его высылают в одно из ужасных мест Нарымского края, которое без содрагания не вспоминали ссыльные, это место Максимкин Яр, куда приходила два раза в год почта, пароход приходит только 1 раз. Таким образом это был далекий край, совершенно оторванный от жизни и людей.

В письмах к жене из ссылки Я. М. описывает мрачную жизнь. Этот Максимкин Яр, находящийся где-то в диком углу, совершенно оторванный от людей, все-таки заставлял людей чем-нибудь питаться, но Яков ничего не получал от правительства. Он принужден был ездить с остяками ловить рыбу и в одну из таких поездок он проваливается под лед и в результате этого купания его везут при 30 градусном морозе за 20 верст. По дороге он превращается в ледяной ком, когда его привозят, он страшно заболевает, но железная натура действительно стального Якова спасает его.

После этого его увозят снова в Нарымский край в село Парабели, в этом селе Яков не остается хладнокровным созерцателем жизни. Ссыльные устраивают Якову поездку 2 раза в неделю для чтения лекций по политической экономии. После этого Яков бежит, его арестовывают и снова высылают в Нарымский край, он вновь 3 раза бежит и 3 раза его водворяют, наконец, в 4-й раз он бежит удачно и после этого работает во фракции 3 й Государственной Думы. В рабочем движении это был период ликвидаторов, когда меньшевистская партия боролась против подпольного движения и на своем знамени выбросила такой лозунг, чтобы забастовка, как средство борьбы, затупилась, ее нельзя бросать в массы, не нужно этой формой рабочего движения злоупотреблять.

В это время появляется в Петрограде Я. М. Он оставался здесь каких-нибудь 2—3 месяца. Это был период подготовки рабочих масс. В это время была рабочая газета «Звезда», где Я. М. принимал тесное участие, сотрудничал в этой газете. В это же время велась подготовка «Правды». Велась также работа и меньшевистской группы, которая хотела непременно издавать свою меньшевистскую газету и взять руководство в ней. Большевистская группа, конечно, проводила свои взгляды. Яков здесь явился активной личностью, борясь с этой тенденцией меньшевиков. Помню, меньшевики однажды собрали крупное собрание рабочих представителей от союзов и клубов. В это время рабочие клубы, и союзы были оазисами, где была социалистическая мысль. Мандаты посылались как раз в те общества, где они думали найти поддержку. Явился тут каким-то образом и Я. М. На этом собрании представитель меньшевиков, некто Ермолаев, известный в некоторых кругах и нашей партии, выдвинул платформу беспартийного рабочего органа: «нужно, говорит он, создать такой орган, где бы все беспартийные рабочие могли бы работать». Но Яков сказал: «вы хотите из беспартийного органа создать свой меньшевистский орган», и, разбив доводы Ермолаева, он убедил нас уйти из этого собрания, и мы ушли. Такова была его работа в период 1909 года.

В 1910 году он работает во фракции Государственной Думы, о чем подробнее расскажет тов. Муранов. Дальше Я. М. снова попадает в Нарым, бежит оттуда, его ловят и ссылают в Туруханский край. Это место за полярным кругом, где страшные морозы, где ссыльные были оторваны страшным расстоянием от живых центров жизни. Здесь

Яков опять является тем элементом, который оживляет мертвую обстановку села Монастырского. В этот момент появляются первые зачатки III Интернационала. Собирается в Циммервальде циммервальдская конференция. Яков с радостью встречает нарождение этой циммервальдской конференции, он старается в душе ссыльных развить знание по этому вопросу, он начинает лекции по истории II Интернационала и излагает все особенности его и, кроме того, говорит о будущем III Интернационале. В его доводах намечается та канва, которая сейчас развернулась перед нами во всю ширь.

Сказав о политической деятельности Я. М., об его работе среди ссыльных, приходится остановиться на Якове, как на человеке, который был не только политическим деятелем, но был хорошим человеком. В обыденной жизни Яков являлся хорошим товарищем, хорошим собеседником и хорошим семьянином. Дай Бог, как говорят православные, побольше таких отцов, каким был Яков. Если вы прочтете те письма, которые он пишет жене, вы увидите, каким прекрасным семьянином он был.

Следующей его особенностью является его постоянная веселость. Вот перед вами Туруханский край, устраивается вечеринка. Все стесняются протанцовать, Яков вылетает на середину и, хотя не умеет танцовать, начинает отбрасывать трепака и Яков заразил всех. Кончилась пляска, и Яков выдумывает новую игру. Или вот катание с гор. Прокатиться с гор, как катается чалдон очень трудно, но Яков садится на санки и удивляет всех своей смелостью. Итак, какую бы вы сторону ни выдвинули, Яков всюду и везде является той фигурой, которая располагает к себе всех.

Переходя к последнему периоду перед февральской революцией, мне приходится остановиться в нескольких словах на последнем периоде, посещении Яковом г. Красноярска. В этот момент Яков жил в 24 Сибирском полку, куда загнали массу ссыльных. В этот момент возник красноярский Совет Р. Д. Красноярск—это Красный Петроград Сибири. Красноярск в истории рабочего движения Сибири это Красный Петроград и там существовала меньшевистская социал-демократическая организация, деятели которой сделались впоследствии большевиками. Уже тогда рос тот разлад, который в будущем еще больше расслоил партию меньшевиков. И среди этих групп выделилась группа большевистская, которая образовала свой самостоятельный комитет. Эта группа не могла всецело отражать мнение большевизма. Эта группа в результате расслоилась. В этот момент Я. М.

проезжал через Красноярск. Шли выборы в совет. Это было при Чхеидзе, Церетелли и др. Встал вопрос о рабочей диктатуре и нас удивило это половинчатое движение меньшевиков, но определенных директив партии в этот момент не было. В этот момент нащупывалась только канва этой диктатуры. Яков проезжал, не имея никаких директив от Ц. К. партии, но он сразу духом прозорливого деятеля почувствовал и сказал: «В рядах меньшевистской организации создайте свою группу, но пока раскола не делайте, а когда настанет момент, сделайте этот раскол». И тогда у нас стало существовать 2 органа,—орган «Красноярский рабочий» большевистский и красноярская «Правда», которая впоследствии охватила всю Сибирь, правый большевистский красноярский орган. Таким образом, здесь работа Якова сказалась. Он устроил несколько собеседований на социалистические темы, выступал с речами на предвыборном собрании, где говорил о роли съезда по отношению к временному правительству.

Я не останавливаюсь на дальнейшей деятельности его в период февральской революции; может быть, тт. с этим больше знакомы, но вся предшествующая революционная деятельность характеризует Якова, как человека, которого в нашей партии, очевидно, долго не будет, и мы знаем, что в настоящий момент место Якова замещается многими десятками лиц. Мы знаем, что никто другой не знал так хорошо рабочей среды, как знал Яков, он знал ее, как собственное лицо, ибо мимо него проходили рабочие организаторы. Он знал ссылку и тюремную среду, и, назначая ответственных деятелей на ответственные посты советской работы, Яков не ошибался. Такого замечательного организатора, замечательного революционера, который может прямо намечать тех личностей, которые нужны для Советской России, мы потеряли. Я думаю, что имя Я. М. не умрет в нашей среде и его будут помнить не только мы, революционеры, не только широкие круги рабочих, но и этот дикий край Нарыма, Туруханска и т. д., ибо, живя в обыденной жизни ссылки, всегда и все имя Якова упоминали с уважением, к нему шли за советом. Такова жизнь и борьба этого замечательного деятеля и замечательного революционера.

Председатель. Слово предоставляется члену Ц. К. российской коммунистической партии, тов. Бухарину.

Бухарин. Т.т., деятельность и жизнь Я. М. Свердлова неразрывно связана была с развитием той организации, во главе которой он стоял,—с развитием нашей партии. Наша партия прошла три главных этапа своего развития. Вначале это была

сеть нелегальных кружков. В период гражданской войны за диктатуру пролетариата это была военная партия рабочего класса, имевшая сплоченный революционный рабочий штаб, и, наконец, наша партия стала основным стержнем, на котором держится все здание Советской Республики. И вот эти три этапа в развитии нашей партийной жизни постепенно превращали организатора нелегальных кружков в члена главного штаба великой революции пролетариата и затем во всероссийского организатора Советской республики. Те жизненные пути и те жизненные этапы, которые проходил Я. М. Свердлов, это были теже самые жизненные пути и жизненные этапы, которые проходила наша славная организация, наша коммунистическая партия. Первоначальная стадия развития были, как я говорил, нелегальные кружки, эти зародышевые ячейки будущей общерусской громадной организации, которая держит в своих руках все судьбы страны. Но только теперь, когда мы переживаем уже третий год пролетарской диктатуры, только теперь во всем своем значении, во всем своем масштабе и во всем своем смысле представляется эта на вид маленькая и скромная по своим размерам работа, которую проходила наша партия шаг за шагом на своем длительном пути развития. Если мы сравним теперь наше движение, нашу партию, легкость той победы, которую мы одержали над своими классовыми противниками с развитием в других странах и в том числе в странах самых передовых, в роде Германии, то мы замечаем одну чрезвычайно характерную особенность. Мы одержали с такой легкостью победу и мы, хотя с невероятными усилиями, в крайне трудной обстановке, можем держаться уже третий год и выйдем, несомненно, победителями, главным образом, потому, что уже в течение долгих лет камень за камнем, кирпич за кирпичем складывалась наша организация, складывалась организационно, как аппарат, как боевая партия рабочего класса, и складывалась идейно, как такая организация, которая имеет отчетливейшую продуманную идеологию, отчетливейшую продуманную систему мышления, отчетливейшую продуманную программу и такую же тактику.

Теперь мы, наблюдая, например, германское рабочее движение, видим, что это движение идет кривыми мучительными путями и развивается судорогами, терпит очень часто поранения, часто потому, что там не было долголетней многими годами опыта закаленной партии, что там не было выдвинутого этой борьбой и этой закалкой сплоченного революционного штаба. То, что многим товарищам даже из

нашей среды представлялось как какой-нибудь внутрипартийной склокой, в пределах нашей борьбы с меньшевиками, потом с ликвидаторами, потом снова с меньшевиками, это на самом деле имело величайшее значение. Многие вопросы, которые сейчас перед западно-европейским рабочим движением встают практически и застают мысль самих рабочих масс и партию рабочих, в большинстве случаев и коммунистов, врасплох, то очень часто в нашей партии уже было сформулировано потому, что нам приходилось вести ту незаметную борьбу, которая многим представлялась только склокой. Поэтому в этих кружках, которые вели такие люди, как Я. М., нарождаются первые ячейки той громадной организации, которая потом прорвала фронт империализма и которая потом стала в качестве правящей партии в советской республике. И вот, тт., та работа, которая может показаться мелочной и маленькой, эта работа дает теперь самые положительные плоды, и только теперь мы эту работу можем оценить во всем ее крупном историческом масштабе.

На всех ступенях развития нашей партии покойный Я. М. был прежде всего организатором. Когда возникли эти кружки, он был творцом их. Когда наша партия возникла и выросла в мощную организацию военного почти типа, и во главе этой организации одним из ее главных организаторов был покойный Я. М. Свердлов. И когда эта организация стала у власти и после прорыва фронта империализма, после победы рабочего класса, когда встала на очереди задача положительного строительства, когда стала задача организации отчасти боевой, но отчасти и положительно творческой с постоянным перемещением в сторону положительной творческой работы, опять-таки первейшим из первых организаторов оказался Я. М. Свердлов.

В чем состоит основное свойство каждого организатора? В чем состоит то, что необходимо, чтобы человек был хорошим организатором? Немецкие буржуазные ученые дают для этого такую формулу: организатор должен быть таким человеком, который может ставить других людей на соответствующие места.—Эта формула совершенно справедливая. Основное свойство хорошего организатора то, что дает им возможность быть хорошим организатором, состоит в величайшем знании других людей, в умении оценивать их, в знании условий, в которых эти люди живут, и в том, чтобы на основании этого величайшего знания людей и мест, для этих людей и для каждого человека находить нужное ему место. Эта общая формула годится для всех периодов жизни

любой какой-угодно пролетарской буржуазной организации и эта формула годится, само собой разумеется, и для всех периодов жизненных, которые проходила в своем развитии наша партия. И это свойство, которое требуется от каждого организатора, и было величайшим свойством, которым обладал Я. М. Крупный организаторский талант, гениальный организаторский талант, заключается в том, что человек доходит очень часто до главных свойств других людей не путем каких-нибудь головных рассуждений, а он должен иметь талант на это дело, он должен иметь специальное чутье к распознаванию людей. В капиталистическом мире организация тоже очень ценится. Если возьмете крупную капиталистическую страну — Америку, там есть специальные организаторы промышленности, организаторы трестов. В чем состоит их функция, что они делают, почему капиталистические предприятия так ценят их заслуги? Эти организаторы трестов делают только одно дело. Они постоянно принимают людей и они определяют приходящих к ним людей, на те места, которые наиболее к ним подходят. Они пробуют людей, они их щупают со всех сторон и находят для них соответствующие места! У нас, в России, это еще в слабой степени разработанная наука и у нас до крайности мало людей, которые могли бы подходить к другим людям с такой стороны, чтобы сразу распознавать их назначение, их качества и сразу правильно подыскивать им соответствующие места. Этот величайший недостаток выражается как раз в той неразберихе, которая очень часто наблюдается у нас в жизни нашей советской республики. Людей подбирают не так, как нужно, людей рассовывают не так, как нужно, человека, который должен быть в одном месте, отсылают в другое место, куда он не подходит, и получается, что при наличии определенного рессурса людей, которым можно было бы целесообразно использовать, посадив их на соответствующие места, получается спутанная картина, потому что никакого правильного и целесообразного использования и распределения нет. Вот как раз таким человеком, который в величайшей степени обладал чутьем разгадывать людей, находить в них их особенности и ставить их на те места, где они нужнее всего, вот таким гениальным организатором и был Я. М. Свердлов. Заметьте, что здесь нужны в очень много раз более крупные организаторские силы, чем, скажем, какому-нибудь человеку, специализировавшемуся на организации капиталистических предприятий, потому что в капиталистическом мире организатор живет все время в

определенных условиях, чрезвычайно мало подверженным каким-либо изменениям. Он вечно организует одно то же дело, он вечно имеет дело с одними и теми же причинами и ведет свое дело изо дня в день таким образом, что оно скоро становится рутиной. Но наша партия переживает различные положения. То она была нелегальным кружком и ее вожди должны были сидеть по тюрьмам, переплывать реки, переходить леса, то она перешла в открытую организацию, которая шла с развернутым знаменем, то она становилась правящей партией. И этот путь от нелегальной партии к партии правящей создал совершенно новую обстановку, совершенно новую ситуацию. Теперь у нас начался период более или менее мирного строительства, и все помыслы направлены на то, чтобы в первую очередь организовать людей, т.-е. поставить их на соответствующие места. В области мирных соотношений и экономического строительства, в первую голову советского строительства в области государственной, это было время, когда нам нужно было думать о том, чтобы сорганизовать людей, идущих на непосредственный штурм на капиталистическую гордыню, потому что задачи, стоящие перед партией, были совершенно иные, другие, чисто боевые, чисто военные. И если мы возьмем первый период, то видим, что нужно было организовать людей еще в зародышевом состоянии, идущих ощупью для того, чтобы формулировать свою идеологию, привести в порядок свои мысли, создать себе рабочий план, поставить себе определенную критику и выработать определенную программу. Все это совершенно разные положения, и нужен поистине гениальный размах, чтобы оказаться первоклассным организатором в обстановке, которая изменяется иногда с поразительной быстротой, изменяется настолько, что исходный пункт не совпадает с тем, что получилось в конце-концов. Возьмите вы любого буржуазного специалиста организатора: если он организует какой-нибудь капиталистический трест, он организует только этот капиталистический трест, но никогда не организует армию, становится генералом, и точно так же генерал, не организующий армию в буржуазном обществе, никогда не становится организатором в промышленности и организатором статских аппаратов, аппаратов государственной власти. Но судьба нашей партии состоит в том, что нам при нашей организации и организаторам нашей организации приходится переходить от одной области работы к совершенно другой, ибо всякому понятно, что одно дело организовать нелегальные кружки и другое

дело организовать боевую партию, которая идет в непосредственный бой с оружием в руках, и третье дело быть хорошим организатором, строящим творческую работу, создающим новый государственный аппарат. А нам все это приходилось делать, нам приходилось передавать все стадии этого развития, и поэтому требования для наших организаторов были почти сверхчеловеческие.

И самым замечательным и самым любопытным в покойном Я. М. Свердлове было то, что он на всех ступенях развития партии, в совершенно различных исторических обстановках, выполнял с одинаковой гениальностью функции организатора, не смотря ни на что. Он в равной степени был прекрасным организатором нелегальных кружков, точно так как и боевым организатором партии, идущей в бой, точно так же организатором советской власти. И здесь, товарищи, мы видим, как с ростом нашей партии из этих нелегальных кружков в руководящую партию многомиллионной страны вырастала и самая фигура Я. М Свердлова. То, что Я. М. Свердлов из организатора маленьких кружков вырос во всероссийскую фигуру и во всеросийского организатора колоссального масштаба и колоссального размаха, объяснялось ростом нашей партии, развертыванием пролетарской революции. У нас в капиталистическом режиме, если бы оставались жить такие люди, как Я. М. Свердлов, они были бы затерты жизнью, они никогда не могли бы развернуть своих сил и дарований в таком масштабе, в каком это могло быть с ростом и развертыванием революции. Мы это видели в Я. М. Свердлове. Я. М. Свердлов вырос в фигуру крупнейшего размаха и, когда в последний период деятельности, он оказался организатором советской власти и организатором нашей партии, выросшей в миллионную силу, он выдержал и здесь экзамен с таким же блеском, с каким он выдержал его, будучи организатором нелегальных кружков. Что давало ему силу и какие его личные свойства могли придать ему то, что он выдержал экзамен во все периоды развития революции? Это вытекло из личных свойств характера Я. М. Свердлова. Для организатора, скажем, мирной экономической жизни необходимо знание людей в этой области, для него необходима определенная твердость и волевое устремление, настойчивость и упорство в проведении своих решений. Но, скажем, для военного периода в развитии революции этих одних свойств совершенно недостаточно. Хороший иромышленный организатор это вовсе еще не значит хороший генерал. Генералу еще нужно обладать

качествами, которых требует боевая обстановка. Он должен быть необычайно храбрым, выдержанным и спокойным. И все эти качества Я. М. Свердлов в себе соединял. Товарищи, которые наблюдали его в течение самых бурных периодов нашей революции, товарищ Рязанов, вам вероятно, будет говорить об июльских днях, другие товарищи будут говорить о другом, и вы увидите, что Я. М. в самые критические моменты, когда жизнь каждого висела на волоске, был таким же хладнокровным и спокойным, в чем и выражается величайшая храбрость. Вот почему ему удавалось быть крупнейшим организатором и тогда, когда приходилось вести чисто мирные строительные работы, и тогда, когда приходилось стоять среди шума и лязга битв гражданской войны. Товарищи, для нас потеря Я. М. Свердлова как раз особенно и тяжела тем, что у нас до крайности мало людей, которые в такой степени имели бы организаторское чутье, и которые в такой степени могли бы чувствовать перемены в обстановке, как это мог покойный Я. М. Свердлов. У нас чрезвычайно мало организаторов, как раз организаторов крупного масштаба. Рессурсы, которые у нас сейчас есть громадны, у нас громадное количество живой рабочей силы, у нас громадное количество потенциальных сил, их нужно суметь взять, а ведь очень часто наши особенные условия заключаются в том, что мы не можем что-нибудь взять, не можем справиться с тем, что у нас есть. Когда Я. М. работал в последний период в нашей организации, организации, которая насчитывала сто тысяч человек, когда ему приходилось иметь дело с колоссальным количеством товарищей и членов нашей партии и не членов нашей партии, по партийным и советским делам приезжавших в Москву, спросите любого, Я. М. знал действительно каждого, как будто перед ним была постоянно карта распределения того что у нас есть в советской республике. Он знал буквально, каждого более или менее заметного партийного работника. Он знал личный состав всех наших главных организаций, он знал, что в таком-то городишке сидит такой-то, и что этот такой-то обладает такими и такими-то свойствами. Он знал, что делается там, он знал, что выйдет из того, если Сидорова послать туда-то, а Иванова туда-то. Он имел громадное количество знаний, которые нужно всегда показывать в виде диаграмм, он все это знал и чувствовал, и потому так велик был его организаторский авторитет, поэтому так велика была его способность улучшать организа-

ционный аппарат нашей партии и улучшать организационный аппарат советской власти.

С этим знанием людей можно и людей расставить на такие места, где они лучше всего подходят и можно с другой стороны сократить до минимума то количество трений, которые возникают между различными частями организационного аппарата, когда этот аппарат растет, когда перед ними стоят новые задачи, и когда нужно довести до минимума трения, получающиеся из роста этого аппарата. Всякий знает сколько у нас бесполезной склоки между отдельными нашими аппаратами и отдельными нашими ведомствами, и человек, который являлся гениальным организатором, который прекрасно знал людей, как никто мог эти трения устранять, это был Я. М. Свердлов, вот почему любое собрание, любая конференция, любой съезд, который вел Я. М., проходили максимально гладко, потому что Я. М. умел расставить людей так, что в результате их работы получалось самое маленькое количество трений.

По существу дело, которое теперь стоит перед рабочим классом это задача организации, то-есть, задача правильного распределения наших сил, и, когда мы теперь вступили в полосу мирного строительства нашей жизни, когда нам приходится говорить о том, чтобы извлекать сотни тысяч живых рабочих сил, организовать их правильно и целесообразно, распределить их, все это есть задача организациоонная. Вот почему теперь, как раз теперь, с такой болью и с такой горечью чувствуется утрата Я. М. Свердлова.

Товарищи! Я М. Свердлова уже нет, из его жизни, столь плодотворной для партии и для Советской власти, нужно извлечь урок. Этот урек заключается в том, чтобы каждый из нас в какой бы сфере деятельности ему не приходилось действовать, чтобы он в первую очередь учился тому, как быть хорошим оргавизатором. На плечи рабочего класса ложится сейчас эта задача. От того, решит ли рабочий класс эту задачу или не решит, зависит судьба всего. И так обстоит дело не только у нас, так обстоит дело во всем мире. Хороший работник сейчас это есть в первую очередь хороший организатор. Хороший работник сейчас это есть в первую очередь тот, который хотя бы в маленькой степени имел тот дар, то чутье, ту способность, то умение, которые в громадном масштабе имел покойный Я. М. Свердлов. Вечная память Я. М. Свердлову, вечный пример для нас всех.

Председатель. Слово предоставляется члену Ц. К. нашей партии тов. Муранову, товарищу, который в годы, когда партия переживала самые тяжелые времена был выбранным от рабочих гор. Харькова, членом Государственный Думы, товарищу, который вместе с покойным Я. М. Свердловым организовывал и сплачивал рабочие массы для того штурма, на который потом тов. Свердлов вел эти самые рабочие массы.

Муранов. В первый раз, товарищи, мне пришлось с Я. М. встретиться в первых числах декабря месяца 1912 году. До тех пор я о нем если и слышал, то слышал только как о каком-то товарище, работающем нелегально в нашей партии, — тов. Андрей. Приехал он к нам как раз для той части фракции, которая после стала называться «рабочей фракцией российской социал-демократической рабочей партии в Государственной Думе». До тех пор в самую нужную минуту мы работали вместе с меньшевиками, с ликвидаторами. Ликвидаторы старались во чтобы то ни стало связать нас, удержать для той цели, чтобы доказать, что партии нелегальной не существует, что партия труп, а есть легальная фракция Государственной Думы. Когда приехал Я. М., то он сейчас же увидел, что ему надо сделать. Он сейчас же увидел опасность грозящую для партии. Когда мы работали в этой фракции, мы не знали в чем дело, почему ни один из наших ближайших большевиков не может пройти во фракцию, почему эта часть фракции меньшевиков ликвидаторов удаляет себя от рабочего движения, не подерживает забастовок, для нас это было лично непонятно, потому что мы вступили в легальную работу. Стоило Я. М. прийти, посидеть только на одном заседании с нами, как он нас сейчас же каждого в одиночку вызвал и сказал: «Разве вы не понимаете, что у вас за спиной происходит нелегальное собрание тех, кто ликвидирует нашу партию. Они ведут при помощи вас же рабочих ведут партию на смарку». Таким образом Я. М. разрубил сразу этот узел. И когда мы собрались и пришли на собрание с готовым положением, то та часть фракции сейчас же почувствовала в Я. М. соперника, которого она давно побаивалась. Но наша большевистская часть фракции сейчас же почувствовала, что теперь и только теперь пойдет работа по правильному пути, что только теперь результаты будут сказываться.

За тот небольшой промежуток времени, который он с нами провел, т. е. до половины января, с первых чисел декобря, он редактировал некоторые статьи в газете «Правда» і готовил материал для выступления и, что характерно отмети

т. Бухарин, это то, что он нас в одну минуту изучил, у кого, что есть и кто, на что способен. Одно он упустил из виду, и что, очевидно, не дано человеческой природе отгадать, это то, что среди нас был провокатор Малиновский, который его предал охранникам. Этого он не сумел угадать. Может быть он и угадал бы, если бы больше времени провел среди нас, но, повидимому, охранка сразу приняла те меры, которые нужны были для того, чтобы нанести удар партийной работе, она не дала ему дольше засидеться с нами, потому что если бы он дольше засиделся, был бы разгадан Малиновский.

Я. М. находился то у тов. Бадаева, то у тов. Шагова, который занимал одну квартиру вместе с Петровским. Переходя с одной квартиры на другую, он все время говорил: «не забывайте о рабочих». Одни из нас должны были итти в Петроградский комитет, другие должны были итти по лесам, где рабочие обсуждали вопросы, как им лучше провести забастовки, третьим, в том числе Малиновскому, он говорил: «ты, как хороший оратор, ты иди в Государственную Думу». Так он сразу рассортировал всех по тем особенностям, какие у кого имеются. Я его мало знаю по работе в 4 Государственной Думе. Это было тогда, когда он в последний раз приехал из Нарымского края и в одну ночь полиция на квартире у Петровского арестовала его и выслала в Туруханский край. После этого мне пришлось с ним встретиться в самом Туруханске, но и там мне пришлось пробыть с ним один месяц, оттуда нас перевели в Енисейск до февральской революции, где мы оставались до тех пор, когда и его и меня революция выручила. Потом мне пришлось встретиться с ним уже в Петрограде, когда была конференция нашей партии, между 24 и 25 апреля.

Я. М. остановился тут больше всего на одном вопросе, это на вопросе — «доклады с мест». Как будто вопрос этот незначителен, но только теперь понятно, когда вспоминаешь об Я. М., почему он этим вопросом так заинтересовался. Заинтересовался он им потому, что у него была та характерная особенность, те хорошие качества, которых к сожалению у нас до сих пор пожалуй ни у кого еще нет, это то, что он знал, какого человека на какое место нужно посылать для того, чтобы достигнуть стройности организации. Он сейчас же, остановившись на этом вопросе, увидал, какая из организаций имеет те или иные недостатки, какие из ее сторон слабы. Учтя это, он сейчас же учитывал и другое из этих докладов и благодаря тому, что он знал много

партийных работников, он стал передвигать работников с одного места на другое, как инструктор, и передвигал таким образом, чтобы посланы были работники соответствующие. Только поэтому у нас получилась система и стройность в организации. В этом сказалась работа Я. М. В этой работе за время керенщины я больше его знал, когда он попал в Ц. К., но здесь я думаю, что все товарищи его знали, и если наша партия работает сейчас по системе и плану и имеет стройность, то здесь Я. М. сделал так много, как никто из нашей партии не сделали, в этом сказались личные способности Я. М.

Мое впечатление об Я. М. не может изгладиться и можно сказать только одно, — вам приходится здесь учиться, вырабатывайтесь же такими работниками, каким у нас был Я. М.— Тогда не только у нас укрепятся эти завоевания, а и во всем мире.

Председатель. Слово предоставляется члену Ц. К. нашей партии тов. Стасовой.

Стасова. Мы с Я. М. давно знали друг друга по близкой работе, но близко нам пришлось с ним встретиться в Сибири, когда он был в Туруханском крае, а я была в Минусинске. Это было как раз время империалистической войны. Оторваны мы были совершенно от центра, и Я. М. умудрился, каким-то неведомым ни для кого из нас чудом угадывать и улавливать ту живую связь, которая диктовалась партией. Все усилия прилагал он к тому, чтобы поддержать дух товарищей и чтобы сохранить тот светлый луч который вел нас вперед, который заставлял нас итти по циммервальдской линии.

И делал он это не только вокруг себя, не только путем тех лекций, о которых вам говорил сегодня тов. Иванов, но он старался сохранить связь со всеми товарищами, разбросанными по далекой Сибири. Писание писем, сообщение всех новостей и сведений, которые через цензурные и всякие другие условия достигали кое-как до нас, было главною задачею Я. М. Я помню, как все мы с трепетом ждали почты, когда раз в месяц мы имели возможность получить от него ту живую струю, тот светлый луч, который давал нам опять энергию жить, бороться и ожидать, что, наконец, и мы в состоянии будем не только в своем узком кругу ссыльных, но в широких массах вести нашу работу. Когда свершилась февральская революция, Я. М. с первою же возможностью приехал в Петроград. Он попал как раз на то совещание, о котором говорил тов. Иванов. Это не был еще с'езд советов, но это было совещание представителей

от разных советов, и сейчас же, во время этого совещания Я. М. стало ясно, что мы стали на новую линию, что нужно создавать организации. В Питере этих сил было достаточно, оставаться здесь не было смысла. И Я. М. сейчас же собирается и едет на Урал, и проводит там время в организационной работе до партийной апрельской конференции. На этой конференции он был душою ее. Товарищ Муранов говорил в своей речи о докладах с мест на этой конференции. Я же сказала бы, что не было такого вопроса на конференции, который бы не был проведен под давлением Я. М.. Все ему надо было знать, везде ему надо было принять участие, и когда вопрос зашел о выборах, несомненно огромное большинство голосов получил Я. М. — при выборах в наш первый легальный Ц. К

Тут работа пошла в другом направлении. Ему же не надо было разъезжать по России. Но перед ним ставился вполне конкретный и определенный вопрос создание фабрично заводских комитетов. Кто первый берется за это, кто заставляет товарищей собираться в кружки, чтобы провести это, что-бы устроить конференцию фабрично-заводских комитетов? Опять-таки Я. М. Свердлов.

Наступают первые дни съезда советов. Кто ведет на этом съезде главную организационную работу? Я. М. Свердлов. Затем наступили июльские дни, когда нам пришлось в значительной степени уйти в подполье. Но и тут главная организационная работа и главная работа на нашем 6 съезде партии проведена была Я. М. После этого съезда перед партией стоял вопрос об использовании выборов в Учредительное Собрание, и вот тут-то Я. М. обнаружил то предвидение, сказала бы я, которого многие из товарищей еще и сейчас не достигли. Для него совершенно ясно стоял вопрос о том, что если мы сейчас не приложим всех усилий, чтобы вовлечь в работу огромную массу женского пролетариата, половину рода человеческого мы потеряем. И тогда кто говорит первый о работе среди женщин? В то время в Петрограде существовала организация всероссийской работы среди женщин, издавался журнал «Работница», но это движение было только в сущности в Петрограде и Москве. По всей же России этой организации не было. Первым инициатором создания бюро работы среди женщин является Я. М.

Правда октябрьские события отодвинули несколько на задний план ту работу, которая была намечена к этому времени, но все же в ноябре месяце при его участии открывается первая женская всероссийская конференция, и она

первая кладет основание для работы среди женщин, которая ведется и сейчас. Я. М. принимал также самое непосредственное, самое близкое и горячее участие в созыве первого всероссийского съезда женщин. Он на нем председательствовал, и вместе с товарищами Николаевым и Коллонтай, несмотря на свои многочисленные обязанности, как по партийной, так и по советской работе, находил возможность и время изучать и просматривать, редактировать те инструкции, которые вырабатывались для работы среди женщин. И не только эту сторону деятельности Я. М. умел охватить. Возьмите вы работу среди молодежи. В то время вопрос о союзе молодежи стоял более широко, чем он стоит сейчас. Тогда было крайне необходимо наше движение коммунистической молодежи связать с за границею. Кто опять мог это делать? К кому идет молодежь, организаторы молодежи? К Я. М. Возьмите также те громадные массы военнопленных, которые были в то время у нас, и которых нужно было так или иначе сорганизовать, чтобы из них организовать уже подготовленные кадры, чтобы их можно было двинуть в Зап. Европу. Кто этим занимается? Я. М. Нет такой стороны жизни нашей партии, где бы не билась живая струя благодаря Я. М. Когда наша партия растет и ширится, когда она поет всеми фибрами гимн труду, освобожденному труду,—кому мы этим обязаны? Мы обязаны этим Я. М. Свердлову. Камень за камнем клал он фундамент нашей партии. Наша партия, как сказал товарищ Бухарин, является стержнем, на котором стоит вся революция. Этим основателем, этим строителем, каменщиком нашей партии являлся Я. М.

Я закончу свою речь, товарищи, словами поэта:

Пускай ты умер, но в песне смелых и сильных духом
Ты вечно жить будешь примером живым и гордым призывом
к свободе, к свету.

Рязанов. Товарищи, среди той неразберихи, которой так много в Советской России и о которой говорил тов. Бухарин, одно из самых неприятных явлений, это черезчур большое почитание героев и вождей. Еще более неприятное явление, на которое мы постоянно натыкаемся с вами в весях и градах России, —когда мы встречаем дома имени того, кого мы только что видели, когда мы встречаем заведения имени того, кому мы только что пожимали руку. И все же лучшего

выбора, как посвятить этот Коммунистический Университет имени Свердлова, Советская Россия не могла сделать (аплодисменты). Я не знаю было ли это намерение у тех людей, которые дали Коммунистическому Университету имя Я. М. Свердлова, но я думаю, что они хотели этим подчеркнуть заслуги Я. М. Свердлова в области того коммунистического строительства, в основе которого лежит создание партийной организации, создание организации людей, сознающих свою историческую миссию, рекрутирующихся из рабочего класса, воспитывающихся в самых неблагоприятных условиях, но всегда воспитывающих из себя тех сознательных борцов, которым одинаково знакомы основы программы, основы тактики и основы практики этой наиболее теоретической и наиболее практической партии, какой является коммунистическая партия (аплодисменты). И вот, товарищи, в лице Я. М. мы имеем классический тип этого среднего партийного борца, не прошедшего через буржуазные универститеты, усвоившего все то знание, без которого невозможно вести это коммунистическое строительство путем упорного труда, путем того труда, которым работают самоучки, путем того упорного труда, которым нам приходилось работать в маленьких ничтожных кружках, из которых создалось ядро коммунистической партии. Товарищ Свердлов, повторяю, является классическим типом этого среднего партийного борца, соединявшего необходимый минимум этих теоретических знаний со всем тем практическим опытом, из которого создается то, что французы так прекрасно называют, но для чего, к сожалению, у нас нет соответствующего названия, это-то, что они называют militen партии, беря это определение из старой церкви, и имея в виду того проповедника, который с крестом в одной руке и с мечом в другой идет—на завоевание будущего царства. Товарищи, когда я говорю, что Я. М. Свердлов был этим классическим типом, я не забываю того, чем отличался Я. М. Свердлов от этого громадного среднего ядра нашей партии. И товарищ Бухарин, и товарищ Муранов вам уже говорили о той черте, которой так ярко выделялся на этом среднем фоне партийных борцов Я. М. Свердлов. Это был необыкновенный организаторский талант, тот организаторский талант, который состоит не только в том, чтобы каждому сверчку отвести его шесток, чтобы каждого человека посадить на полочку, но который состоит в том, чтобы эти разрозненные усилия отдельных кружков, отдельных организаций сплотить в одно целое и направить туда, куда это

необходимо. И вот этот колоссальный организаторский талант собирателя рассыпанной храмины, собирателя рассыпавшихся, разбегавшихся кружков, проявил тов. Свердлов в июльские дни 1917 г.

Я не имел чести знать до этих дней Я. М. Я слышал об Андрее, я слышал о его работе на Урале, но лично я его до этих дней не знал. И только в эти дни, когда казалось поражением пролетариата 4—5 июля, на моих глазах начала опять собираться, выстраиваться, вновь организовываться пролетарская армия, я везде и всюду в самых опасных местах, в самой рабочей гуще встречал Я. М. Это я считаю его бессмертной заслугой. В эти дни, когда наиболее крепкие растерялись, когда наиболее мужественные, казалось, товарищи теряли присутствие духа, Я. М. ни на минуту, ни на мгновение не терял этого мужества, не сомневался в конечном успехе этого дела, и в первую голову взялся за то святое организационное дело, которое состоит в собирании рассыпанных отрядов, вливания в них мужества и сплочения их в одно целое, в одну армию тех милитанов, борцов за коммунистическое дело, которую Я. М. с некоторыми другими товарищами создал в июльские и августовские дни 1917 г. в Питере.

Тут, товарищи, я должен указать еще на одну черту Я. М., которая меня в нем поражала, которая заставляла чтить его. В нашей партии имеется не мало мужественных людей. В нашей партии, корни которой питаются из среды рабочего класса, имеется много храбрых людей, но в нашей партии, в которой имеются и интеллигенты, и выходцы из буржуазии, и выходцы из рабочего класса, есть различные типы этого мужества. Есть мужество красивое, мужество искреннее, но которое все-таки иногда позирует, есть мужество, которое сознает свое мужество, есть храбрость, которая довольна своею храбростью. Но мы знаем, что из среды рабочего класса, как и из среды старого ядреного крестьянства выходят люди, которые не знают этого удивления перед храбростью, которые храбры также естественно, также просто, как они естественны и просты в других отношениях. И вот что меня удивляло в этом выходце, правда не из богатой буржуазной среды, вот что меня поражало в Я. М. Свердлове. Это простая храбрость, простое мужество, мужество геройское, мужество, не имеющее себе равного, которое относится к своим геройским подвигам, как к самой простой вещи, о которой не приходится говорить, и за которую приходится стыдиться, когда другие ей удивляются. Вот

основная черта личного характера Я. М. Свердлова. Это есть черта, в которой до самого высшего пункта доведено то основное, что должно быть в этом среднем партийном борце. Это одна из индивидуальных особенностей Я. М.

Теперь, товарищи, я должен коснуться еще одной черты. У нас, товарищи, в результате той многолетней борьбы, которую вела кучка интеллигентов,—правда часто это были интеллигенты, которым приходилось вкусить буржуазной науки ровно на 2—3 года гимназии, которых эта гимназия извергала, которые если и учились в университете, то только для того, чтобы презирать буржуазную науку, чтобы учиться как раз наоборот, в этой партии, в которой создался тесный союз интеллигенции и рабочего класса, в этой партии время от времени просыпаются особые тенденции, которые воспринимаются мало сознательными слоями рабочего класса. Ее участники и члены ни выходили—из рабочего класса или из буржуазии, но которая состоит из этих средних коммунистических борцов, из этих милитанов, в которых нет различия между интеллигентом коммунистом и рабочим коммунистом, в этой партии время от времени, а впоследнее время в особенности, просыпается эта тенденция указать на то, что достаточно иметь мать, отца рабочих, а к тому же еще и деда и бабушку, что бы одно это аристократическое происхождение в партии создало особые преимущества. Я. М. Свердлов есть именно тот представитель среднего типа партии, которого при всем желании ни те, что стоят у нас на этой точке зрения старой махаевщины, ни другие не могли бы отнести к определенному типу, не могли сказать, кто он—интеллигент или рабочий. Я. М в этом отношении являлся классическим типом того члена партии—коммуниста, в котором совершенно исчезает и по происхождению, и по воспитанию, и по привычкам, и по всему настроению разница между коммунистом интеллигентом и рабочим интеллигентом. Именно поэтому, несмотря на то пенсне, которое так часто спрыгивало с носу Я. М., рабочие шли к нему, как к своему товарищу. Именно поэтому к нему обращались все в партии. Чувствовали, что в этом человеке окончательно исчезли всякие следпроисхождения, исчезли следы того старого слоя, из которого он вышел для того, чтобы попасть в ту партию, где нет никаких различий, кроме одного:—кто с большей энергией, кто с большими способностями будет служить делу коммунистической революции.—Вам, молодые товарищи, которым приходится теперь обучаться в этом коммунистическом университете

имени Свердлова этим начаткам знания, и в котором вам придется делать из себя главным образом борцов, вам, как и всем нам, нужно чтить память Я. М. Свердлова, того идеолога, борца, того идеального крестоносца за будущее царство коммунизма, каким он был всю жизнь, каким он жил и каким он умер.

Краевский (военно-окружной комиссар Одессы). С тех пор, как я вышел с завода для совместной борьбы с другими товарищами, я видел очень много, погибших на пути борьбы. Я вспоминаю неоднократные ссылки и тюрьмы и вспоминаю, что в этих тюрьмах, так же, как и в Сибири, остались многие наши товарищи. Вспоминаю я и товарища Якова, Андрея, как звали Я. М. все время во всех подпольных организациях, и как я его знал. Первый раз я встретил его в 1906 г. Мы встретились с ним тогда после Сормовского восстания. Вскоре после этого нам пришлось с ним расстаться, и второй раз мы встретились в Нарымской ссылке, о которой вам здесь много рассказывали. Те, которые были там, могли наблюдать за деятельностью товарища Якова. Я вспоминаю несколько моментов, весьма важных и ценных, которые каждый из вас должен знать. Когда началась реакция, когда нас душили в тюрьмах, когда многие товарищи не имели возможности дышать, когда многие товарищи кончали самоубийством, когда началась хандра, когда многие видели перед собою только кошмарное будущее, в это время приезжает к нам товарищ Андрей — Я. М. Свердлов. Он видит, что ссылка — распыленная, что нет души, нет центра. Я. М. начинает организовывать единый центр среди ссыльных, объединяет разбросанных ссыльных в одну единую организацию, начинает руководить жизнью ссылки. Только с его приездом мы почувствовали, что начинается организованность. Когда в Томске увидали, что Я. М. Свердлов начинает играть среди ссыльных доминирующую роль, его утащили от нас по приказанию пристава Овсяникова и забросили в Максимкин Яр. Я был одним из тех, кто пытался его оттуда вырвать и украсть. В письмах оттуда он писал, что если он не уйдет, то он останется там навеки, т.-е. его никогда больше потом не увидят, что там совершенно нет жизни, что его сослали туда для того, что бы он не видел больше никакой жизни, а видел перед собою только смерть. Получив эти письма, мы пошли в лес, чтобы заработать несколько грошей и купить лодку для того, чтобы украсть Я. М. Когда он узнал о нашем плане, он сказал: нет, слишком дорого обой-

дется этот побег, слишком дорого он будет стоить, п. ч. в этом плане должны были участвовать 5 товарищей, которые должны были бы погибнуть, если бы этот план не удался. Он сказал, что он сам попытается что-нибудь сделать. Но все-таки нам удалось тогда заполучить Я. М. Мы принимали к этому энергичные меры. Почему мы это делали. Почему мы хотели поставить на карту жизнь пяти товарищей,—п. ч. мы знали, что Я. М. в это время был чрезвычайно нужен в России для подпольной работы, ибо мы знали, что там он может много сделать. Мы видели, что в нем кипит энергия, которая много сделает, когда попадет в рабочие массы. Мы решили его оттуда убрать. Приезжает Андрей к нам в Нарым. После этого его переводят в Колпашево, и мы опять начинаем поговаривать о побеге. Это был один из важнейших побегов, в которых я принимал участие. Это был тот побег, когда он тонул и когда его вырвали из объятий волн. Когда мы получили из думской фракции письмо, что в России нужны работники, когда мы получили несколько рублей денег и могли отправить из ссылки несколько человек, он поставил вопрос о своем отъезде. Он также определил тогда, кому нужно поехать. Он умел тогда и в ссылке, где нам приходилось работать один от другого весьма конспиративно, где мы мало знали друг друга, Я. М. знал подпольную публику и знал, кого следует отправить. Когда мы его отправляли, мы предприняли очень рискованный побег. Мы посадили его на «облесок»,—особая лодка,—и решили его поднять вверх по течению, чтобы там посадить на пароход. Волны перевернули этот облесок, и ему три версты пришлось плыть, держась руками за лодку, пока его не заметили и не вытащили. Его опять схватили и запрятали в кутузку. Когда он вышел оттуда, он сказал, что должен ехать до тех пор, пока не начнется распутица, пока не уйдет последний пароход. Мы ему устроили побег. Он уезжает, и через несколько времени проваливается на партийной работе. Его опять отправляют в ссылку. Но это его нисколько не охлаждает. Не успел он сесть на пароход, как опутал каким-то образом сторожа, который его сопровождает, и скрылся. Но когда он узнал, что привлекли к ответственности стражника, который его сопровождал, он явился в ссылку и сказал, что он вышел для того, чтобы купить себе булку. Через две недели он делает опять попытку к побегу, и бежит.

Когда начались репрессии по отношению к нам, Я. М. был одним из тех, кто стоял на боевой точке зрения. Он

никогда не был одним из тех, кто был готов покорно склонять голову перед теми репрессиями, которые начали на нас сыпаться. В ссылках он принимал меры и к организации на месте там кружков, к устройству лекций, сам читал лекции и привлекал тех товарищей, которые умели читать. Когда я вернулся из ссылки на подпольную работу в 1914 г., во главе многих кружков я встретил товарищей, бежавших из ссылки, из школы Я. М. Это было не только тогда, но и вообще все время. Когда зимою 1914 г. мне пришлось бежать, я потерял товарища Свердлова из виду. Но я слышал, что после одного из наших побегов, его провалил Малиновский, и он сел вместе с женою. Когда я вернулся из Соединенных Штатов с тов. Бухариным, я встретил перед июльскими днями Я. М. Он сказал мне: «Поезжайте в Нижний-Новгород, возьмитесь за Сормовский завод, приступите там немедленно к организации красной гвардии». После нашего июльского поражения он заранее видел необходимость подготовить наших красных командиров, наших генералов, видел необходимость организации нашей красной армии. Мы последовали его совету. Во многих местах он выдвинул на боевые посты таких товарищей, которые вполне оправдали возлагавшиеся на них ожидания.

Я хочу сказать еще следующее. Вы живете в центре, где много крупных товарищей и крупных сил. Но я знаю, что по поводу смерти Я. М. говорят провинциальные работники. Когда я в прошлом году был на западном фронте и когда мы там получили телеграмму о смерти Я. М., многие наши очень ценные и не рядовые товарищи заплакали, п. ч. они знали, что с его смертью они отрываются от центра. После его смерти многие из провинциальных товарищей не едут сюда, п. ч. они знают, что здесь нет души, нет того человека, который мог бы с ними поговорить, который мог бы спокойно их выслушать, который мог бы принять их без особых формальностей и бумажек, как теперь заведено в наших учреждениях. Он был один из тех, кто мог говорить с провинциалами. Он был один из тех, кто понимал провинциального работника, который знал, что лежит на его плечах. Он был один из тех, кто мог им помочь в критическую минуту. Сейчас у нас этого ничего нет. Многие товарищи и сейчас еще тоскуют о нем на местах. Они говорят: да, мы приезжаем сейчас в центр, с нами иногда говорят охотно, иногда неохотно, часто отделываются от нас, п. ч. не умеют с нами разговаривать. Сейчас нет того

человека, который бы мог заменить Я. М. Мы долго еще будем это чувствовать.

Мы потеряли одного из генералов нашей могучей непобедимой пролетарской армии, но, товарищи, наша армия жива, и мы выдвинем еще из своей среды таких же рядовых товарищей, каким был Я. М., и эти товарищи будут следовать его примеру.

Невский. Позвольте и мне поделиться с вами воспоминаниями из совместной работы с Я. М. Свердловым. Товарищ Стасова очень хорошо и правильно уловила сущность выдающегося организатора. Организатор, товарищи, это выражаясь старым языком, Божий Дух, который носится надо всей организацией. Это человек, который проникает в каждый угол этой организации. Нет такого дела, такой части в партии, куда бы не проникал взор этого всемогущего мага и чародея, который сплачивает, соединяет новые полки партии. Организатор должен быть пропагандистом, должен быть и агитатором. Не важно для организатора, если он не обладает такою силою красноречия, способностью приводить такие образы, или такие красивые сравнения, каким блещет речь выдающихся вождей—товарища Троцкого, Луначарского или величайшего вождя пролетариата Ленина. Чувство понимания человеческого сердца, необыкновенный практицизм, уменье подойти к каждому человеку вдыхают в речь организатора ту силу, которой нет у него, как у агитатора и пропагандиста. Но там, где нужно, он пропагандист, там, где нужно, он агитатор. Все качества агитатора пропагандидиста и прирожденного организатора, гениальный организатор, выдающийся организатор партии, должен иметь. Этими качествами обладал Я. М. Свердлов. Эти качества бывают только у того работника, который связан тесными узами с рабочей и крестьянской массой. Из нея он должен вырасти, у нее он должен подслушать те слова и те желания, которыми она живет. Только тогда, когда он знает все ее привычки и желания, он может сплачивать и организовывать эту массу Я. М. С. был таким организатором, будучи членом Ц. К. П., он запросто садился с самыми темными солдатами в нашей военной организации, совершившей неудачное июльское восстание и победоносное октябрьское восстание. Он садился с самым темным крестьянином, пил с ним чай, улыбался, когда этот солдат хлопал его по плечу, и потом, когда он выступал на солдатских митингах, он использовал этот опыт проникновения в человеческую душу, как может использовать его человек, который соединяет эти

три черты—организатора, агитатора и пропагандиста. Мне пришлось видеть его в то время, когда военная организация по приказанию верховного органа нашей партии бросила в бой еще не научившиеся биться, послушные нашим велениям, солдатскиме массы на улицы Петрограда. Это был первый опыт массового боевого выступления. Не все члены Ц. К. П. могли практически воплотить в жизни те схемы и теоретические предположения, те математические формулы, которые они начертили себе во время своей нелегальной жизни за границей или по различным весям и градам нашей России. Тут нам пришлось убедиться в необыкновенной способности Я. М. понимать людей, в необыкновенной способности совмещать в себе пропагандистские и организаторские черты. Все это помогло тов. Свердлову быстро освоиться с окружающей обстановкой. Он вместе с другими членами Ц. К. партии был в военной ее организации. Один из первых организаторов он быстро ориентировался в этой новой военной обстановке, один из первых организаторов он сумел понять эту обстановку, точно так же как он учел опыт нашеге неудачного восстания, и наши окрепшие боевые силы во время октябрьского переворота, он сумел двинуть в бой, и указать те чисто практические пути, как лучше их двинуть. Что это был человек, который действительно царил над организацией, видно из той характеристики, которую ему здесь давали, нет такой области в партийной жизни, которой бы он не интересовался. И организатор должен быть именно таким, каким был Я. М. Свердлов. Он интересовался на партийной конференции не только докладами с мест, а всеми решительно областями партийной жизни. Он интересовался и военной организацией, и газетой. Я помню, как не задолго до смерти в один из тяжелых моментов, которые он переживал,—и у него бывали такие,—он говорил: хотелось бы заняться газетой, дело это очень хорошее. Я помню, с каким наслаждением, и удовольствием говорил он о том, как следовало бы в этой газете поставить некоторые отделы, которых не доставало у нас тогда. Повторяю, организатор есть Божий Дух, который носится надо всей организацией, который проникает во все поры этой организации, который сплачивает человеческие массы в непобедимые революционные полки, и который бросает их, когда нужно, в бой. Наш Коммунистический университет должен особенно чтить память этого незабвенного организатора, потому что он и в области создания первой коммунистической школы был тем самым организа-

тором, который порвый проник сюда. Я. М. Свердлов был основателем этого самого Коммунистического университета, Ведь он внес в Ц. К. П. предложение основать те агитационные курсы, из которых потом вырос этот Коммунистический университет, те самые агитационны, курсы, которые бросили в провинцию первых наших инструкторов, приготовленных, правда, наскоро, подготовленных наспех, но тем не менее первых строителей и первых организаторов, которых между прочим учил здесь и сам покойный Я. М. Свердлов.

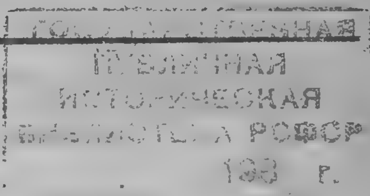
Мы сидим в том здании, обучаемся в том Коммунистическом университете, над которым веет дух этого незабвенного собирателя наших революционных сил. Он был основателем нашего Коммунистического университета. Его жизнь, его способность организовать революционные массы, его необыкновенная преданность этим трудящимся революционным массам, должна послужить нам к тому, чтобы каждый из нас старался вырабатывать в себе те именно свойства, которые так ярко отличали покойного Я. М. Свердлова.

Товарищи, я сейчас получил одну замечательную записку какого-то товарища курсанта. В этой записке подмечено очень тонко и очень точно то чувство, которое должно одушевлять всех нас здесь, когда мы вспоминаем деятельность и образ замечательного организатора нашей партии. В этой записке говорится: тов. Свердлов на с'езде В. Ц. И. К. во время германской революции 1918 г. сказал, что есть надежда на организацию всемирного Ц. И. К. Вспоминая эти слова Я. М. Свердлова автор этой записки говорит: не чувство скорби охватило мою душу при воспоминании о работе и жизни и деятельности тов. Свердлова, а светлая радость и чувство, которое должно быть свойственно живым, чувство и желание дальнейшей борьбы, чувство и желание так же, как он, сплачивать революционные массы, подниматься до него, вырастать дальше, чтобы все больше и больше охватывать трудящийся народ, чтобы все больше и больше формировать революционные рабочие батальоны, чтобы осуществить ту мечту, которою жил тов. Свердлов—создание всемирного Ц. И. К.,—об'единения всех рабочих масс мира, всех стран в единую могучую революционную семью, в единую могучую революционную боевую армию, которая очистит землю от всякой буржуазной скверны, которая построит невиданный красивый мир

трудящихся, который навеки вечные уничтожит всякое зло угнетения.

Кончая это заседание, мы должны почтить память тов. Свердло а не тем, чем мы начали, не печальными звуками похоронного марша, а боевыми мощными звуками нашего гимна, гимна трудящихся всего мира. (*Аплодисменты*).

Заседание заканчивается пением «Интернационала».

Цена 5 р.

Никем из книгопродавцев указанная на книге **цена не может быть повышена.**

Государственное Издательство.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
1920 г.

